

Цзи Ян пребывал в забытьи, будто погружённый в долгий кошмар. Когда ему уже начало казаться, что этому мраку не будет конца, внезапно в ушах раздался оглушительный звон, словно кто-то бил в гонги и барабаны, а по телу разлилось несколько струй тёплой энергии.

В полудрёме он медленно открыл глаза, ещё не успев ничего разглядеть.

Первым долетел до его слуха приятный, весёлый голос:

— Господин очнулся?

Голос был совершенно незнаком. Цзи Ян прищурился, мир перед глазами постепенно прояснялся.

Тот же голос снова спросил:

— Как имя господина? Сколько господину лет? Где вы живёте?

«...» Цзи Ян поморщился — голос показался ему назойливым. Наконец он смог разглядеть, что находится прямо перед ним. Его взгляд упал на потолок — нефритовый, покрытый резьбой с изображением незнакомых цветов и животных, столь изысканной, что это место казалось не от мира сего. Он не мог понять, куда попал. Обычная деревня на такое не способна.

Неужели его всё-таки взяли в плен?!

Цзин же был явно недоволен. Он столько говорил, а этот человек не удостоил его ни словом. Разве не проснулся? Глаза-то открыл.

В книгах всё было не так!

Цзин обиженно поджал губы и развернулся, намереваясь уйти. За столько лет никто не смел с ним так обращаться! Духи и оборотни всегда его лелеяли. Сделав несколько шагов, он вдруг вспомнил: ведь это единственный человек, которого он ждал больше тысячи лет. Раз уж спас, даже если тот неприятен, стоит взглянуть ещё разок.

Он вернулся, но тот по-прежнему не смотрел на него!

Тогда Цзин наклонился, поднеся своё лицо прямо к лицу незнакомца, и с обидой спросил:

— Почему ты меня игнорируешь?

Неужели мужчины-духи и впрямь не так привлекательны, как женщины-духи?

В тех книжках учёные, едва завидев женский призрак, сразу же бежали за ним следом!

А он ведь даже красивее их!

Неожиданно перед глазами Цзи Яна возникло лицо неземной красоты, прекраснее самого нефритового потолка. Он резко вдохнул, закашлялся и выплюнул кровь — прямоком на лицо Цзина, находившееся в сантиметре от него.

Проклятье! Его всё-таки схватили!

И даже подстроили ловушку с красавицей?!

Охваченный яростью, только что исторгнувший кровь Цзи Ян снова погрузился в небытие.

Цзин, с кровью на лице, недоверчиво округлил глаза, потом моргнул и оглянулся на Нун Юэ и остальных.

Две души и одна оборотеньша уставились на него, глаза их, казалось, вот-вот выскочат из орбит. Нун Юэ в испуге даже забыла вправить свои глазные яблоки на место и тут же потянулась рукавом, чтобы вытереть Цзину лицо.

— Он... выплюнул кровь мне в лицо? — переспросил Цзин.

«...» Они не решались кивнуть.

— Зеркальце... где зеркальце... — засуетился Цзин, но на полуслове вспомнил, что может создать его сам. Он раскрыл ладонь, из неё сочилась влага, превращаясь в маленькое зеркальце. Взглянув на отражение, он увидел, что его прекрасное лицо всё в крови! Таким уродливым он ещё никогда не был! Все прочие учёные, которых приводили к себе души-женщины, были ручными и послушными, лебезили и благодарили, едва очнувшись, а некоторые даже предлагали руку и сердце.

А тот, кого привёл он, первым делом обрызгал его кровью!

С точки зрения духов, плюнуть другому духу кровью в лицо — высшая степень неуважения и презрения.

Рука Цзина бессильно опустилась. Нун Юэ уже тянулась, чтобы вытереть ему лицо.

Но тут Цзин поджал губы и... расплакался:

— Мне выплюнули кровью в лицо... Я так долго искал красивого... а он меня кровью... — Слёзы тут же покатались по его щекам. У Нун Юэ и других, хоть и не было сердец, на душе скребло кошки. Они бросились к нему: Нун Юэ и Яо Юэ принялись ладонями ловить драгоценные слёзинки, а Фанфэй облачным платочком вытирала ему лицо. Лицо вытерли, а Цзин всё плакал.

Проклятый книжник! Только появился — и уже довёл их господина до слёз! Их господин плачет раз в тысячу лет! Ясно, что негодяй, мерзавец!

Фанфэй, самая горячая, в сердцах топнула ногой:

— Прикончить его!

Цзин перестал лить слёзы, но всё ещё всхлипывал. Он обернулся, взглянул на того человека — и ему тоже захотелось его прикончить. Этот человек его не уважает, более того, презирает — не только плюнул кровью, но и, увидев его лицо, упал в обморок!

Неужели от уродства?

Неужели он настолько безобразен?

Это оскорбляло больше всего.

Видя, что Цзин молчит, Фанфэй протянула руку — её пальцы превратились в острые персиковые сучья и нависли над шеей Цзи Яна. Один миг — и он был бы мёртв.

Цзин посмотрел на то лицо и всё же не выдержал:

— Лучше не убивать. Я ещё не насмотрелся.

Мысль о том, что он не может убить человека из-за его внешности, лишь усилила обиду, и слёзы снова навернулись на глаза.

Фанфэй, сердцем болея за него, попыталась утешить:

— Господин, если он умрёт, то станет духом и всё равно будет красивым. Умрёт он здесь, в нашем дворце, никуда не денется. Смотреть на него сможете, когда пожелаете. Да и послушным станет.

Цзин всхлипнул и печально произнёс:

— Но если он умрёт, как же он поедет в столицу на экзамены? Как станет чжуаньюанем? Не станет он чжуаньюанем — не будет у него начальника, который заставит жениться на своей дочери. Не сможет он за меня бороться с начальником, не сможет вместе со мной противиться Небесному Закону и Яньло-вану. Я так долго искал красивого учёного, чтобы он добыл мне почётный титул! В книгах написано, что это очень хорошая штука, все духи её хотят, и я тоже хочу.

«...» Фанфэй поняла, что ошиблась. Не стоило ей покупать те книжки и громко о них рассказывать. Лучше бы их господин проспал ещё несколько сотен лет!

Цзин перестал плакать, сам вытер лицо, глубоко вздохнул и твёрдо заявил:

— Я буду заставлять его учиться, чтобы стал чжуаньюанем. Не станем убивать. Пусть остаётся человеком.

— ...Слушаюсь, — Фанфэй была вынуждена убрать руку.

Нун Юэ и Яо Юэ собрали его слёзы, слишком расстроенные, чтобы говорить. Они поместили их в новую глазурованную бутылочку. Цзин взял её в руки и слегка потряс.

Потрясши бутылочку, Цзин всё ещё был не в духе — стыдно было. Он не желал больше смотреть на того человека и, отвернувшись, бросил:

— Никто за мной не идёт! Не хочу видеть его несколько дней!

— Слушаемся, — они могли лишь проводить взглядом, как Цзин растворился в воздухе.

Едва Цзин скрылся, Яо Юэ тут же вспыхнула:

— Несчастный мерзавец!

Фанфэй с беспокойством спросила:

— Вы — приближённые служанки господина, обычно можете разглядеть сущность человека. Кто он? Неужели и вправду учёный? Я же его выходила, почему он снова отключился? У меня тысячелетняя практика, такого быть не должно.

Нун Юэ нахмурилась:

— Странное дело, но я и вправду не могу разглядеть его происхождение.

— Только рожей вышел! Так бы и прикончила! — Фанфэй стиснула зубы, глядя на спящего Цзи Яна.

Яо Юэ лишь фыркнула:

— Какое бы ни было его происхождение, разве он что-то сможет в нашем дворце? Только попробует что-то затеять — сразу прикончим!

Нун Юэ, самая рассудительная, подумала и сказала:

— Пока что оставим как есть. Господину нравится его лицо, и он в самом деле красив. Мы ждали так долго, главное — чтобы господин был доволен.

— Мы-то здесь, в крайнем случае прикончим!

Фанфэй добавила:

— Наш господин — не заурядный дух, нельзя позволять ему страдать. Пока господина нет, будем караулить этого мерзавца. Когда очнётся, мы, сёстры, проучим его хорошенько.

Яо Юэ энергично закивала, Нун Юэ тоже согласилась:

— Именно так.

Цзин же забился в озеро своего дворца. Он любил воду, дождь, снег и иней.

Порой, когда на душе было невесело, он ложился на дно и размышлял.

Сейчас он был очень не в духе. Он ведь не ребёнок. Хотя он и не знал, в каком возрасте умер, но судя по облику, ему должно было быть лет пятнадцать-шестнадцать. Он понимал, что вёл себя глупо, хоть и перед своими служанками. В раздражении он схватил проплывавшего мимо карпа, не давая тому уплыть, но карп нежно погладил его лицо своим хвостом.

Мягко, скользяще, было приятно. Карп узнал его и пустил несколько пузырьков. Цзин, с его чистым сердцем, снова улыбнулся.

Настроение поднялось, и он фыркнул, выпустив целую вереницу пузырьков.

В конце концов, этот учёный уже был его. Пусть не такой сговорчивый, как у других духов, зато красивый, а значит — его! Считает его уродливым? Плюнул кровью? Всё равно его!

Они ещё поженятся!

А после свадьбы этот учёный обязательно станет чжуаньюанем! Обязательно станет первым министром! Обязательно будет добывать ему почётные титулы, каждый день по новому! Он ждал так долго, его слава должна затмить всех духов из книжек!